

КОМПАРАТИВНЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ ПО ИСТОРИИ ДЕТСТВА И ТРАНСФОРМАЦИЯ ОБРАЗА РЕБЕНКА В США И СССР 1945–1968 ГОДОВ

С.М. Дружкин, А.А. Мордвинов

Аннотация. Статья посвящена развитию компаративных исследований в истории детства. Анализируется социально-политический контекст формирования этого направления историографии в годы холодной войны. Доказывается, что консьюмеристская культура заняла лидирующую позицию в мире детства и в США, и в СССР уже в 1960-е гг. Если, согласно концепции Ф. Арьеса, граница между миром детей и взрослых установилась в XVII–XVIII вв., то, по мнению М. Пикок и ряда других исследователей, с 1970-х гг. под влиянием консьюмеризма она опять размывается. Ребенок из «человека будущего» становится средством товаризации повседневности, неразрывно связанным с дискурсом безопасности в эпоху неоллиберализма. Прослеживается переход от политизированной культуры детства в СССР 1930-х гг. к позднесоветской антропологии детства, для которой была характерна активная ревизия идеологизированного символического пространства и его языков описания. Доказывается, что компаративистика продуктивна в истории детства в трех разных аспектах: она позволяет соотнести между собой источники по разным странам и периодам, а также предполагает сравнение различных методологических подходов к истории детства. Ставится вопрос о функциях современной инфантилизации и «долгом детстве» в современной консьюмеристской культуре.

Ключевые слова: история детства, холодная война, консьюмеристская культура, компаративные исследования, культурная антропология, концепция М. Пикок, политика детства.

Для цитирования: Дружкин С.М., Мордвинов А.А. Компаративные исследования по истории детства и трансформация образа ребенка в США и СССР 1945–1968 гг. // Преподаватель XXI век. 2021. № 4. Часть 2. С. 308–315. DOI: 10.31862/2073-9613-2021-4-308-315

COMPARATIVE STUDIES OF THE HISTORY OF CHILDHOOD AND CHILD IMAGE TRANSFORMATIONS IN THE USA AND THE USSR 1945–1968

S.M. Druzhkin, A.A. Mordvinov

Abstract. The article deals with the development of comparative studies in the history of childhood. It analyzes the sociopolitical context of the formation of this direction of historiography during the Cold War. It proves that consumerist culture took the leading position in the world of childhood both in the United States and in the USSR already in the 1960s. If according to F. Aries's conception the boundary between the world of

© Дружкин С.М., Мордвинов А.А., 2021

Контент доступен по лицензии Creative Commons Attribution 4.0 International License
The content is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License

children and adults was established in the 17th and 18th centuries, then, according to M. Peacock and some other researchers, since the 1970s it has again been blurred under the influence of consumerism. The child from the “man of the future” becomes a means of commodification of everyday life, inseparable from the security discourse of the neoliberal era. The transition from the politicized culture of childhood in the USSR of the 1930s to the late Soviet anthropology of childhood, which was characterized by an active revision of the ideologized symbolic space and its languages of description, is traced. Comparative studies are proved to be productive in the history of childhood in three different aspects: they enable the correlation of sources from different countries and periods as well as the comparison of different methodological approaches to the history of childhood. The article sets out the question of the functions of modern infantilization and “long childhood” in modern consumerist culture.

Keywords: *history of childhood, Cold War, consumerist culture, comparative studies, cultural anthropology, M. Peacock concept, politics of childhood.*

Cite as: Druzhkin S.M., Mordvinov A.A. Comparative Studies of the History of Childhood and Child Image Transformations in the USA and the USSR 1945–1968. *Prepodavatel XXI vek. Russian Journal of Education*, 2021, No. 4, part 2, pp. 308–315. DOI: 10.31862/2073-9613-2021-4-308-315

История детства давно и активно развивается в западной историографии. В России это направление исследований представлено, начиная с 1990-х гг. [1–3]. За прошедшие 30 лет сформировались его ведущие центры, обозначились лидеры, по итогам крупных международных конференций изданы яркие сборники [4; 5]. Однако до сих пор в отечественной историографии преобладает достаточно узкая постановка рамок исследования, привязанная к периодам в 10–20 лет, и ориентация на политические факторы, определяющие трансформацию мира детства [6; 7]. В этом она проигрывает известным западным работам, охватывающим более широкие хронологические рамки и предполагающим компаративные сравнения положения детей в разных странах.

В этом контексте особый интерес представляют несколько недавно изданных исследований. Компаративистика здесь может быть продуктивна в трех разных аспектах: она позволяет соотнести между собой источники по разным регионам (горизонтально) и периодам (вертикально); кроме того, она

предполагает сравнение методологических подходов к истории детства.

Как известно, отец-основатель этого направления Ф. Арьес в своей ставшей классической работе «Ребенок и семейная жизнь при Старом порядке» (1960) доказывал, что граница между миром детей и взрослых в европейском обществе до XVII в. была относительной и приобрела устойчивые формы лишь в буржуазной культуре. Эта относительность была обусловлена свойственной средневековой культуре карнавальностью (описанной М.М. Бахтиным), которая очень медленно менялась под влиянием моралистов, отстаивавших тезис о невинности ребенка. «Семья не осуществляла и не контролировала передачу ценностей и знаний или, в более общем виде, социализацию ребенка. Он быстро отдалялся от родителей, и можно сказать, что на протяжении веков его образование осуществлялось путем обучения “в людях”, благодаря существованию ребенка или юноши и взрослых. Он познавал вещи, помогая взрослым делать их» [8, с. 9]. Существенные изменения в восприятии детства в новое время были

связаны с развитием института школы, вокруг которой стала выстраиваться социализация молодежи и интернализация представлений о детстве.

Концепцию Ф. Арьеса критиковали и старались проблематизировать с разных сторон: дополнить ее в гендерном отношении, подчеркнуть множественность культур детства в обществе модерна и т. д. [9; 10]. Важно отметить также, что она не включала социально-политическую составляющую, которая оказалась принципиально важна в исследованиях детства в XX в., особенно в СССР. И не предполагала компаративного анализа детской культуры в разных странах, делая акцент на Францию.

Как доказывают авторы сборника «Дизайн детства: игрушки и материальная культура детства с 1700 года до наших дней», именно в Новое время развивается производство игрушек, которые раскрывали не столько детский мир, сколько представления взрослых о детстве. Начало XVIII в. Дж. Бруэр называет раннемодерной «культурой без игрушек». В это время не существовало предметов, предназначенных только для игры, игрушки мастерились родителями из подручных материалов и обеспечивали воспитательные функции [11, с. 14]. В трактате Дж. Локка «Мысли о воспитании» последовательно проводится мысль, что игрушки являются важным элементом в целях первичной социализации ребенка. Считалось, что слишком большое количество игрушек может навредить нравственным качествам детей, поэтому, начиная с XVIII в., их пытались уберечь от чрезмерного потребления. Наряду с обычными добродетелями у ребенка воспитывалась финансовая ответственность. В специальных маленьких записных книжечках поощрялось обучение детей ведению своих счетов, записи расходов и доходов.

В XIX в. развивается фабричное (массовое) производство игрушек, а вокруг детей формируется новый потребительский мир. В доиндустриальную эпоху дети с раннего возраста должны были вносить свой вклад в экономику домохозяйства посредством небольших заработков или домашней помощи. Но после отказа от детского наемного труда ребенок фактически становится обузой для семейного бюджета, а новые эмоциональные представления о счастливом детстве заставляют родителей выделять отдельную статью расходов для типично детских товаров: одежды, мебели и игрушек. Тем самым ребенок превращается в маленького потребителя.

В XX в. потребительский рынок напрямую обращается к ребенку через рекламу, телевидение и новые цифровые инструменты. Начиная с 1950-х гг. и особенно в 1980-е гг. детское «выклянчивание» стали использовать как инструмент влияния на родительские стратегии потребления. В оценке влияния потребительской культуры и медиа на детей исследователи разделились на два противоположных лагеря, рассматривая фигуру ребенка как «эксплуатируемого» или как «наделенного силой». Первая концепция (Д. Шор, С. Линн, Ш. Штейнберг) предполагает в целом негативный взгляд на детское потребление. С этой точки зрения экономика при помощи агрессивных методов рекламы захватила невинных от природы детей. Альтернативная позиция предполагает, что прямое обращение изготовителей детских товаров (одежды, еды и игрушек) к детям наделяет эту давно отчужденную группу потребителей способностью быть разумными покупателями. Подобной коммерческой инновации не существовало до начала XX в., ведь до той поры считалось, что дети не обладают знаниями, опытом и правом на

покупку. По мнению Э. Сейтер, Д. Бэкингема, Г. Дженкинса и Э. Пью, «наделенный силой» ребенок, получив автономию, право самовыражения и способность принадлежать к группе себе подобных, становится практичным и разборчивым потребителем медиатекста, а вовсе не наивной жертвой рекламы, которую транслируют «совратители» от рынка игрушечной индустрии [там же, с. 24].

В XXI в. происходит полное размывание границ между мирами детей и взрослых, культура детства под влиянием масс-медиа активно коммерциализируется. Ребенок включается в современную массовую культуру через медиа, наполненные сценами насилия и секса, быстро теряет естественную детскую непосредственность и становится вынужденным участником мира взрослых. Более того, он включается в потребительскую культуру еще до рождения, т. к. взрослые посредством покупок пытаются создать будущую личность ребенка, ориентируясь не на его желания и потребности, а, скорее, на свои.

Другим интересным примером продуктивности компаративного подхода представляется работа М. Пикок «Невинность как оружие: политика детства в СССР и США периода Холодной войны». Автор доказывает, что образ ребенка и вопросы воспитания молодежи стали вдвойне важны как для советского, так и для американского общества в условиях Холодной войны, поскольку были неразрывно связаны с идеей будущего (коммунистического или либерального), но служившей телеологической целью социальной политики. Дополнительную актуальность этой проблематике, кроме широко распространенной сегодня ностальгии по СССР и государству всеобщего благосостояния образца 1960–1970-х гг. [12–14], придает тезис автора о том, что переход к

политике разрядки в холодной войне (отголоски которой сегодня слышны все более отчетливо как в российском, так и в американской политической риторике последних лет) был связан именно с эволюцией культуры детства. Хронологическими рамками исследования становятся 1945–1968 гг. Всего за 20 лет, то есть фактически в рамках взросления одного послевоенного поколения («бэби-бумеров»), США и СССР успели от сотрудничества в рамках антигитлеровской коалиции перейти к радикальному противостоянию, а потом к разрядке. В качестве показательных изменений представлений о детстве в СССР М. Пикок приводит два показательных высказывания С. Жильцовой. В возрасте 13 лет, выступая на XI Съезде ВЛКСМ в апреле 1949 г., она пафосно воспроизводила официальную риторику: «Советские дети — самые счастливые дети в мире. Сегодня здесь, в Кремле, мы благодарим за наше счастливое детство, за наше прекрасное завтра Коммунистическую партию и нашего дорогого и любимого Иосифа Виссарионовича Сталина!» [15, с. 17]. А всего через 12 лет на выступлении в КВН она уже иронизировала над этой риторикой: «Если партия сказала “есть контакт!” — значит, будем есть контакт!» [там же, с. 217]. Как эти изменения оказались возможны в сознании советских подростков и их родителей?

М. Пикок подчеркивает, что образ ребенка стал чаще появляться в послевоенных газетах и особенно на телевидении, а вопросы его воспитания начали активно обсуждаться в контексте воздействия на общественное мнение в целом. Фигура ребенка все чаще становится риторическим орудием интерпелляции граждан. Целью этой обработки общественного мнения выступает рост контроля исполнительной власти. Для этого используется прежде всего морализация нормативного

поведения, а И.В. Сталин или Д. Эйзенхауэр позиционируются как «отцы нации». Противники по холодной войне описываются не просто в идеологических терминах, но как носители аморальных ценностей, несущие угрозу собственным детям. Например, президент Г. Трумэн в своей знаменитой речи в Конгрессе в марте 1947 г. в качестве одного из аргументов для поддержки Греции говорил об угрозе туберкулеза местным детям и проблемах с их питанием; план Маршала — о питании и борьбе с болезнями европейских детей; воздушный мост создавался во время Берлинского кризиса как бы для того, чтобы спасти немецких детей [там же, с. 85]. Чужие «испорченные» дети противопоставляются при этом собственным «невинным». В этом контексте М. Пикок приводит любопытную статистику детских образов и фото в «Пионерской правде» и журнале «Лайф» 1945–1955 гг.: 60% и 61% изображений соответственно в них занимают девочки, требующие от родителей больше заботы, более пассивные, «невинные» и дисциплинированные, чем мальчики.

Впрочем, уже в этом нарративе присутствует момент заботы об уровне жизни, который становится все более важным в рекламе и на телевидении в 1950–1960-е гг. Детские образы используются здесь для продажи товаров и услуг. «В этих условиях само детство становится товаром, открытым для продажи, хотя (формально) такой его товарный характер и отрицается» [там же, с. 10]. Совпадая с интересами консьюмеристской культуры, этот нарратив особенно активно развивается в США. Однако и СССР вынужден с ним считаться и в условиях конкуренции учиться у противника. С другой стороны, США также пытаются перенять отдельные стороны советской культуры детства: расширяют социальные программы, проводят реформы образования.

Одновременно в обоих государствах меняется образ «внутреннего врага». По сравнению с эпохой борьбы с космополитизмом в СССР и шпиономанией в США эпохи маккартизма, с середины 1950-х гг. все большую роль приобретает фигура хулигана-подростка, отделяемого от мира невинных детей и сознательных взрослых. Дополнительную важность этой фигуре в СССР придают амнистия 1953 г. и XX съезд, после которого необходимо было деполитизировать память о сталинских репрессиях. Мотивом разделения социалистического и капиталистического мира детства становятся не политические вопросы, а образ жизни и прагматика повседневности: статистика обеих стран фиксирует рост мелких правонарушений в середине 1950-х гг.: в СССР в почти в 3 раза, с 70 до 200 тысяч в год, в США — в 4 раза [там же, с. 84].

Еще одной причиной трансформации образа ребенка стало его переосмысление в кинематографе и детской литературе периода «оттепели». Кроме детского кино М. Пикок обращается к таким известным советским фильмам, как «Два Федора» М. Хуциева (1958), «Иваново детство» А. Тарковского (1962), «Добро пожаловать, или посторонним вход воспрещен» Э. Климова (1964), «Обыкновенный фашизм» М. Ромма (1965) и др. В них идеологический нарратив сменился пролиферацией культурных языков описания и акцентом на многообразии опыта детства: раннего взросления в годы Второй мировой войны, признания его трагического измерения, сложности мира подростков с его внутренними конфликтами и сильными эмоциями. Мир детства становится самоценным и независимым от политической сферы. Во многом эта деполитизация затронула даже инициированное сверху движение борьбы за мир, активно развивавшееся в СССР в 1950–60-е гг. [16].

Для скаутов с их слетами и летними лагерями в США, для Артека и пионерских лагерей в СССР вопросы межличностных отношений все больше уходили от критики расовой политики и политических оппонентов.

В совокупности все эти причины привели к трансформации образа ребенка в культуре обеих стран. Консьюмеризм занял лидирующую позицию в мире детства и до сих пор отодвигает остальные факторы на задний план. Ребенок из человека будущего стал средством товарищеской повседневности, неразрывно связанным с дискурсом безопасности в эпоху неолиберализма [17]. В этом контексте книга М. Пикок косвенно ставит вопрос и о взаимосвязи нового витка холодной войны с современным дискурсом инфантилизации — долгого обучения, продления молодости до 45 лет и т. д. Могут ли современные США и Россия чему-то научить друг друга в отношении культуры детства? Кроме этого важного и заставляющего задуматься вопроса в книге

М. Пикок, представляет несомненный интерес и тезис о важности социально-политического контекста Холодной войны для возникновения истории детства как направления историографии. Книга Ф. Арьеса выходит на следующий год после объявленного ООН (в 1959 г.) года ребенка. Кроме того, книга позволяет проследить эволюцию представлений о детстве от политизированной культуры 1930-х гг., прекрасно исследованной в работах К. Келли, к позднесоветской культуре, для которой была характерна активная ревизия символического пространства и языков его описания.

Таким образом, компаративистика оказывается востребованной здесь во всех трех своих ключевых аспектах: она позволяет сравнить культуры детства в СССР и США; затрагивает достаточно длительный период 1930–1970-х гг. и выстраивает диалог между социально-политическим подходом к истории детства, культурной антропологией и историей повседневности.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

1. Сальникова, А.А. Российское детство в XX веке: история, теория и практика исследования. Казань: Казанский государственный университет им. В.И. Ульянова-Ленина, 2007. 255 с.
2. Келли, К. Об изучении истории детства в России XIX–XX вв. // Какорея. Из истории детства в России и других странах / под ред. Г.В. Макаревича. Тверь: Научная книга, 2008. С. 8–46.
3. Ромашова, М.В. Дети и феномен детства в отечественной истории: новейшие исследования, дискуссионные площадки, события // Вестник Пермского университета. История. 2013. № 2. С. 108–116.
4. «Гуляй там, где все»: история советского детства: опыт и перспективы исследования / под ред. В.Г. Безрогова, М.В. Тендряковой. М.: РГГУ, 2013. 442 с.
5. Какорея. Из истории детства в России и других странах / под ред. Г.В. Макаревича. М.; Тверь: Научная книга, 2008. 386 с.
6. Щербинин, П.П. Детская повседневность в период Первой мировой войны 1914–1918 гг. Тамбов: Принт-Сервис, 2015. 256 с.
7. Смирнова, Т.М. Дети страны Советов: от государственной политики к реалиям повседневной жизни. 1917–1940 гг. М.; СПб.: Институт российской истории РАН, 2015. 384 с.
8. Арьес, Ф. Ребенок и семейная жизнь при Старом порядке / пер. Я.Ю. Старцева. Екатеринбург: Изд-во Уральского университета, 1999. 416 с.

9. *Калверт, К.* Дети в доме. Материальная культура раннего детства 1600–1900 / пер. О. Кошелевой. М.: Новое литературное обозрение, 2009. 272 с.
10. *Кон, И.С.* Открытия Филиппа Арьеса и гендерные аспекты истории детства // Вестник РГГУ. Серия: Философия. Социология. Искусствоведение. 2010. № 15. С. 12–24.
11. *Дизайн детства: игрушки и материальная культура детства с 1700 года до наших дней / под ред. М. Брендоу-Фаллер.* М.: Новое литературное обозрение, 2021. 488 с.
12. *Post-Soviet Nostalgia: Confronting the Empires Legacies / ed. by O. Boele, B. Noordenbos, K. Robbe.* N.Y., L.: Routledge, 2020. 244 p.
13. *Липовецкий, М., Михайлова, Т.* Больше, чем ностальгия (поздний социализм в сериалах 2010-х годов) // Новое литературное обозрение. 2021. № 3. С. 127–147.
14. *Мазур, Л.Н.* Ностальгия по СССР: память — мифы — политика // Документ. Архив. История. Современность. 2019. № 19. С. 180–206.
15. *Peacock, M.E.* Innocent Weapons: The Soviet and American Politics of Childhood in the Cold War. Chapel Hill: The University of North Carolina Press, 2014. 286 p.
16. *Попов, А.* Печи Освенцима и пепел Хиросимы: страх войны в режиссуре советских массовых мероприятий 1950–1980-х гг. // Новое литературное обозрение. 2020. № 2. С. 140–157.
17. *Воробьева, О.В., Николаи, Ф.В.* Культурная история страха: эмоции, аффекты и дискурс безопасности // Диалог со временем. 2017. № 61. С. 262–272.

REFERENCES

1. *Salnikova, A.A.* Rossijskoe detstvo v XX veke: istoriya, teoriya i praktika issledovaniya [Russian Childhood in the Twentieth Century: History, Theory and Practice of Research]. Kazan: 2007, 255 p. (in Russ.)
2. *Kelly, C.* Ob izuchenii istorii detstva v Rossii XIX–XX vv. [On the Studies of the History of Childhood in Russia During the XIX–XX Centuries]. In: *Kakoreya. Iz istorii detstva v Rossii i drugih stranah* [Kakorea. From the History of Childhood in Russia and Other Countries], ed. by G.V. Makarevich. Tver: Nauchnaya kniga, 2008, pp. 8–46. (in Russ.)
3. *Romashova, M.V.* Deti i fenomen detstva v otechestvennoj istorii: novejschie issledovaniya, diskussionnye ploshchadki, sobytiya [Children and Phenomenon of Childhood in Russian History: Contemporary Research, Discussions and Events], *Vestnik Permskogo universiteta. Istoriya = Bulletin of Perm University. History*, 2013, No. 2, pp. 108–116. (in Russ.)
4. “*Gulyaj tam, gde vse*”: istoriya sovetskogo detstva: opyt i perspektivy issledovaniya [“Take a Walk Where Everyone Is”: The History of Soviet Childhood: Experience and Research Prospects], ed. by V.G. Bezrogov, M.V. Tendryakova. Moscow: Rossijskij gosudarstvennyj gumanitarnyj universitet, 2013, 442 p. (in Russ.)
5. *Kakoreya. Iz istorii detstva v Rossii i drugih stranah* [Kakorea. From the History of Childhood in Russia and Other Countries], ed. by G.V. Makarevich. Tver: Nauchnaya kniga, 2008, 386 p. (in Russ.)
6. *Shcherbinin, P.P.* *Detskaya povsednevnost v period Pervoj mirovoj vojny 1914–1918 gg.* [Children’s Everyday Life During the First World War 1914–1918]. Tambov: Print-Servis, 2015, 256 p. (in Russ.)
7. *Smirnova, T.M.* *Deti strany Sovetov: ot gosudarstvennoj politiki k realiyam povsednevnoj zhizni. 1917–1940 gg.* [Children of the Land of Soviets: From State Policy to the Realities of Everyday Life. 1917–1940]. Moscow, Saint Petersburg: Institut rossijskoj istorii RAN, 2015, 384 p. (in Russ.)

8. Aries, Ph. *Rebenok i semejnaya zhizn pri Starom poryadke* [Child and Family Life Under the Old Order]. Ekaterinburg: Izdatelstvo Uralskogo universiteta, 1999, 416 p. (in Russ.)
9. Calvert, K. *Deti v dome. Materialnaya kultura rannego detstva 1600–1900* [Children in the House. Material Culture of Early Childhood 1600–1900]. Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie, 2009, 272 p. (in Russ.)
10. Kon, I.S. Otkrytiya Filippa Aresa i gendernye aspekty istorii detstva [Philippe Aries' Discoveries and Gender Aspects of Childhood History], *Vestnik RGGU. Seriya: Filosofiya. Sociologiya. Iskusstvovedenie* = Bulletin of the Russian State University. Series: Philosophy. Sociology. Art history, 2010, No. 15, pp. 12–24. (in Russ.)
11. *Dizajn detstva: igrushki i materialnaya kultura detstva s 1700 goda do nashih dnei* [Childhood Design: Toys and Material Culture of Childhood From 1700 to the Present Day], ed. by M. Brandow-Faller. Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie, 2021, 488 p. (in Russ.)
12. *Post-Soviet Nostalgia: Confronting the Empires Legacies*, ed. by O. Boele, B. Noordenbos, K. Robbe. N.Y., L., Routledge, 2020, 244 p.
13. Lipovetsky, M., Mikhailova, T. Bolshe, chem nostalgia (pozdnij socializm v serialah 2010-h godov) [More Than Nostalgia: Late Socialism in TV Series of the 2010s], *Novoe literaturnoe obozrenie* = New Literary Review, 2021, No. 2, pp. 127–147. (in Russ.)
14. Mazur, L. Nostalgia po SSSR: pamyat — mify — politika [Soviet Nostalgia: Memory — Myths — Politics], *Dokument. Arhiv. Istoriya. Sovremennost* = Document. Archive. History. Modernity, 2019, No. 19, pp. 180–206. (in Russ.)
15. Peacock, M.E. *Innocent Weapons: The Soviet and American Politics of Childhood in the Cold War*. Chapel Hill, The University of North Carolina Press, 2014, 286 p.
16. Popov, A. Pechi Osvencima i pepel Hirosimy: strah vojny v rezhissure sovetskih massovykh meropriyatij 1950–1980-h gg. [Auschwitz Ovens and Hiroshima Ashes: Fear of a War in Directing Soviet Mass Events in the 1950s–1980s], *Novoe literaturnoe obozrenie* = New Literary Review, 2020, No. 2, pp. 140–157. (in Russ.)
17. Vorobieva, O.V., Nikolai, F.V. Kulturnaya istoriya straha: emocii, affekty i diskurs bezopasnosti [Cultural History of Fear: Emotions, Affects and Security Discourse], *Dialog so vremenem* = Dialogue with time, 2017, No. 61, pp. 262–272. (in Russ.)

Дружкин Сергей Михайлович, магистрант, Нижегородский государственный педагогический университет имени К. Минина, solo_adelante@list.ru

Sergey M. Druzhkin, Master's Student, Minin Nizhny Novgorod State Pedagogical University, solo_adelante@list.ru

Мордвинов Александр Александрович, кандидат философских наук, доцент, заведующий кафедрой, кафедра социально-гуманитарных наук, Приволжский исследовательский медицинский университет, socgumngma@bk.ru

Aleksandr A. Mordvinov, PHD in Philosophy, Associate Professor, Chairperson, Social and Humanitarian Sciences Department, Volga Research Medical University, socgumngma@bk.ru

Статья поступила в редакцию 07.11.2021. Принята к публикации 29.11.2021

The paper was submitted 07.11.2021. Accepted for publication 29.11.2021